

УДК 343.2(517) «311»

DOI 10.33463/2687-122X.2022.17(1-4).2.169-175

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВНА МЯХАНОВА,

доцент кафедры уголовного права и криминологии,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация,
ORCID 0000-000108998-7363,
e-mail: alex27-m@mail.ru;

ЖАРГАЛ ПАЛАМОВИЧ ГУНЗЫНОВ,

преподаватель кафедры теории и истории права и государства,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация,
ORCID 0000-0001-8423-7440,
e-mail: gzzrl@yandex.ru

ВОПРОСЫ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ПРИ НАЗНАЧЕНИИ И ИСПОЛНЕНИИ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ В ВЕЛИКОЙ ЯСЕ ЧИНГИСХАНА И ИХ ПРОЯВЛЕНИЯ В РОССИИ

Для цитирования

Мяханова, А. Н. Вопросы чести и достоинства при назначении и исполнении уголовных наказаний в Великой Ясе Чингисхана и их проявления в России / С. С. Мяханова, Ж. П. Гунзынов // Уголовно-исполнительное право. – 2022. – Т. 17(1–4), № 2. – С. 169–175. – DOI : 10.33463/2687-122X.2022.17(1-4).2.169-175.

Аннотация. Одной из малоизученных тем остается право Монгольской империи, в том числе уголовное право. Объективное исследование его затруднено, так как текст Великой Ясы Чингисхана – главного правового акта той эпохи не сохранился. Однако благодаря имеющимся историографическим источникам можно сделать вывод о том, что в монгольском обществе имело место представление о «позорных» и «благородных» мерах наказания. Их назначение в значительной степени влияло на социальный статус как самого преступника, так и его родственников. В статье проводится исследование данного вопроса, а также анализируются сходные положения, существовавшие в российском праве в разные исторические эпохи.

Ключевые слова: Великая Яса, история уголовного права, смертная казнь, честь, достоинство.

В юридической литературе периодически критикуется система уголовных наказаний России [1, с. 108–124; 2, с. 117–129; 3, с. 39–46]. Выражается это, кроме прочего, и в том,

© Мяханова А. Н., Гунзынов Ж. П., 2022

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

что рядом представителей уголовного мира наказание не воспринимается как негативный фактор, которого следует опасаться. Мировоззрение, связанное с тем, что «тюрьма – дом родной», обесценивает значение уголовного наказания как главного способа восстановления социальной справедливости и исправления преступника. Для поиска решения данной проблемы обратимся к историческому опыту Монголии во времена Чингисхана. В условиях сегодняшней перестройки общественной жизни, возрождения национальной культуры и традиций, переосмысления исторического прошлого монгольского народа становится актуальным объективное и правдивое освещение деятельности Чингисхана. Только так можно высветить его историческую роль в образовании единого Монгольского государства и показать как крупного государственного деятеля, выдающегося полководца и национального героя Монголии, создателя первого монгольского права – Ясы.

Монгольская империя стала не только одним из крупнейших государств, которое когда-либо существовало в истории человечества, но и образцом эффективной системы государственного управления. Одним из ее проявлений был уровень правопорядка на территории империи. Об этом свидетельствуют слова, которые по-разному интерпретируются, но смысл их остается неизменным. Так, Джувейни писал: «Из страха перед его Ясой и наказанием среди его приближенных царил такая строгая дисциплина, что в его царствование ни один путешественник, пока он находился неподалеку от его войска, не нуждался в охране или сопровождении ни на одном отрезке пути; и, как говорится, хоть и с преувеличением, женщина с золотым кувшином на голове могла идти одна без страха и опасений» [4]. В этом выражении указывается главная причина высокого уровня правопорядка – «страх перед Ясой», или, иными словами, боязнь наказания. В Монгольской империи основным правовым документом являлась Великая Яса Чингисхана («Их Засаг»), принятая в 1206 г. на Великом Курултае. В свое время она стала первым письменным законодательным актом монголов, представлявшим собой кодификацию монгольского права и монгольских народных обычаев. Великая Яса – первый монгольский законодательный памятник, авторство которого приписывается Чингисхану. Образование Чингисханом единого Монгольского государства имело огромное историческое значение: оно положило конец непрерывным родоплеменным междоусобицам и способствовало окончательному утверждению новых феодальных отношений у монголов.

До этого периода долгое время основным источником права оставались обычаи и традиции, а судебные функции осуществлял глава рода. С принятием Великой Ясы в Монгольском государстве был введен институт специальных должностных лиц («заргач»), которые выбирались лично ханом и от его имени назначали уголовные наказания за совершение преступлений. Основным внутренним источником Великой Ясы стало обычное право монгольских племен, дополнительным – указные нормы Чингисхана, а внешним источником – китайское право. На устройство Монгольского государства большое влияние имел Китай и его культура. Известно, каким авторитетом пользовался в Монгольском государстве Елюй-Чуцай, бывший китайский сановник, правая рука Чингисхана и Угэдэя, его организаторская и реформаторская деятельность. В. А. Рязановский писал: «Более высокая культура Китая не могла не оказать своего влияния на Монголию и, в частности, разработанное, развитое право китайское на более простое право монгольское. Следы этого влияния мы находим уже в Ясе Чингисхана» [7, с. 56].

Чингисханом и его советниками тщательно пересматривались и трансформировались старые монгольские и тюркские традиции, был создан набор новых представлений и установок. Например, десятичная система устройства армии являлась старым

институтом тюрок, а также иранцев, хотя она обычно устанавливалась параллельно с родовой и племенной организацией. Чингисхан не только модернизировал систему, но и соединил ее с принципом службы. Строгость новой армейской организации была наложена на связи старых родов.

Статьи Ясы по уголовному праву частично опирались на монгольское обычное право, но здесь вновь нужно принять во внимание нормы закона соседних империй. В целом карательное законодательство Ясы, видимо, было более жестоким, нежели традиционное и племенное право монголов. Чингисхан намеревался сделать созданный им кодекс законов незыблемым. Каждый новый властитель империи или собственного улуса начинал свое правление с подтверждения правильности Ясы. Однако подобное законодательство не должно было противоречить принципам Ясы и имело в основном местное значение. Например, ханы Золотой Орды выпустили множество хартий и ордонансов относительно управления своим ханством. Они были известны как ярлык. Ярлыки, выданные ханами Золотой Орды Русской церкви, содержат прямую ссылку на Великую Ясу как основу освобождения духовенства от налогообложения. Существуют также ссылки на Ясу в Кодексе законов династии Юань в Китае.

Полный текст Великой Ясы не сохранился до наших дней. Однако по тем отрывкам, которые дошли до нас, можно сделать несколько выводов. Так, высшей мерой наказания была смертная казнь («цаазар авах ял»). Есть данные разных исследователей, которые утверждают, что примерно за 80 % составов преступлений предусматривалось наказание в виде смертной казни [4]. Смертная казнь применялась за совершение разных проступков, которые условно можно разделить на следующие группы:

– связанные с совершением тяжких преступлений (убийство, конокрадство, похоть и прелюбодеяния и т. д.). Например, «прелюбодей предается смерти без всякого различия, будет ли он женат или нет»; «тот, у кого найдется украденная лошадь, обязан возвратить ее хозяину с прибавкой десяти таких же лошадей; если он не в состоянии уплатить этого штрафа, то вместо лошадей брать у него детей, а когда не было детей, то самого резать, как барана»; «кто повинен в содомии, тот также наказывается смертью» и т. п.;

– связанные с приметами и нарушением правил быта. Например, «тот, кто мочится в воду или на пепел, также предается смерти»; «Чингисова Яса предписывает: человека, подавившегося пищей, протаскивать под ставкой и немедленно убивать, равным образом предавать смерти, кто ступил ногой на порог ставки воеводы» и пр.;

– государственные и военные преступления: предательство (в том числе когда своих предавали враги монголов), убийство послов, бегство с поля боя, трусость и т. д.

При общем множестве составов преступлений, которые наказывались смертной казнью, существовали разные способы приведения ее в исполнение. Зависели они от степени тяжести преступления, поскольку в монгольском обществе существовало своеобразное понимание достойной и позорной смерти, которое в целом опиралось на представление о жизни и смерти. Так, недостойной считалась смерть, сопровождаемая кровопролитием. Это было связано с тем, что пролитие крови на землю (причем крови не только человека, но и животного) считалось тяжким грехом. Напротив, смерть без кровопролития признавалась благородной. Таким «благородным» способом, в частности, был казнен Джамуха, названный брат и один из главных конкурентов Чингисхана. Его казнь, согласно Сокровенному сказанию монголов, была последней данью уважения Чингисхана своему старому другу, ставшему заклятым врагом. С этой точки зрения открывается иной взгляд на казнь русских князей после битвы на Калке в 1223 г. Согласно многим источникам их придавили досками, на которых монгольское войско

пировало в знак победы. Казнь, несмотря на жестокость, была приведена в исполнение без пролития крови.

Такое разделение смертной казни в зависимости от ее восприятия в обществе становилось своего рода дополнительным видом наказания, как в случае с «позорной» смертью», могло стать и неким смягчающим вину фактором (смерть «благородная»). Приговор к смертной казни согласно монгольскому праву неизменно отражался и на отношении общества к родственникам казненного. Стоит обратить внимание на то, что в период правления Чингисхана у монголов сохранялась родовая община. В силу этого можно предположить, что жизнь (точнее, социальный статус) каждого монгола во многом зависела от того, из какой семьи и какого рода он происходил, от статуса его родственников [5].

Таким образом, к личной ответственности преступника добавлялась и ответственность его родственников. Во многом такой подход можно связать с представлениями монголов о жизни и смерти. Идея реинкарнации, кармы, распространенные не только в буддизме, но и в целом в восточной философии, были не чужды и монгольскому обществу. Сам по себе страх смерти не всегда мог восприниматься нарушителем как наказание. Совсем по-другому воспринималась угроза «позора», который мог быть наложен на преступника и его семью. Потеря уважения в кочевом обществе, жизнь в котором сопряжена со множеством трудностей, таких как голод, угроза нападения врагов, диких животных, болезней, было чревато тяжелыми последствиями. Справиться с этими опасностями возможно только в условиях взаимопомощи. Однако лишённая такой помощи семья фактически обрекалась на жизнь, полную страданий, что могло привести к прекращению рода.

Можно отследить прямую связь между содержанием уголовного наказания и вопросами чести и достоинства как самого преступника, так и его родственников. Это, безусловно, становилось эффективным способом борьбы с преступностью и, по нашему мнению, явилось одной из главных причин высокого уровня правопорядка в Монгольской империи.

Можно найти аналогичные описанному опыту Монголии примеры из истории отечественного государства. Например, в России смертная казнь также активно применялась. Двинская уставная грамота 1397 г., Псковская судная грамота 1467 г. и Судебник 1497 г. предусматривали смертную казнь за отдельные виды преступлений. Расширение сферы применения смертной казни произошло в период правления Ивана Грозного, при котором был принят Судебник 1550 г. Смертная казнь стала использоваться как один из наиболее часто применяемых видов наказания, причем осуществлявшихся публично и сопровождавшихся пытками [6]. По Соборному уложению 1649 г. смертной казнью каралось от 54 до 60 преступлений. Она осуществлялась путем повешения, сожжения, отрубания головы, четвертования и т. д. При Петре I количество составов преступлений, за которые назначалась смертная казнь, достигло 123. Особый интерес представляет период правления Елизаветы Петровны. Указы от 18 (29) июня 1753 г., 30 сентября (11 октября) 1754 г. заменили «натуральную смертную казнь» на «политическую», которая выражалась в ссылке «на каторжные работы, предварительно подвергнув: наказанию кнутом с вырыванием ноздрей и постановлением клейма» или без такового.

Появившийся в официальных документах термин «политическая смерть» был связан в первую очередь с публичностью казни, которая нередко была театрализованной. Основная цель подобных нововведений заключалась в разрушении личного и социального достоинства подвергаемого экзекуции человека. Политическая казнь состояла из

нескольких общих процедур: «сказание смерти», «положение на плаху» и «всемилошвейшее избавление от натуральной смерти». Начало правления Елизаветы Петровны ознаменовалось процессом над генерал-адмиралом и первым кабинет-министром А. И. Остерманом. Его приговорили к колесованию, однако в последний момент освободили от смертной казни. После этого процесса понятие «политическая смерть» начинает употребляться во многих законодательных актах наряду с термином «смертная казнь». Еще одной формой освобождения от смерти была ссылка на каторгу. Однако преступникам непосредственно перед отправкой вырывали ноздри и выжигали клеймо на лице.

Особым видом наказания для представителей высших сословий стало шельмование. Воинский устав, Морской устав, Краткое изложение процессов и судебных тяжб, Генеральный регламент и ряд именных и сенатских указов связывали шельмование с «тяжелым чести нарушением». Позорное клеймо «ошельмованный» человек получал в результате оскорбительных для личного и сословного достоинства ситуаций: пытка, телесные наказания, «пребывание в руках палаческих» или просто обнажение в публичном месте; именование вором (что значит «шельма»), прибитое на виселице имя; переломленная палачом шпага, пощечина в присутствии свидетелей, испрашивание прощения на коленях и т. п.

В начале XVIII в., когда стали практиковать такое наказание, как шельмование, отношение к осужденным, «из числа добрых людей извергнутым», строго регламентировалось. Эти несчастные оказывались как бы вне закона и общества – их не разрешалось «в какое-либо дело, ниже свидетельство принимать», им нельзя было находиться на статской или военной службе, их без всяких последствий можно было ограбить и избить, поскольку они не имели права обращаться в суд с челобитной. Однако главное наказание для ошельмованного заключалось в изоляции от людей: под угрозой лишения чинов и ссылки на галеры запрещалось его «посещать и в компании допускать», «ибо, когда увидит, что он со своею братию в равенстве, то скоро забудет все, что ему учинено».

Несмотря на то что Петр I в Генеральном регламенте пригрозил галерами за дружбу с ошельмованными, судебные преследования исключительно за эту провинность практически отсутствовали. Обвинения за подобные порочащие контакты встречаются лишь как дополнительные аргументы к многочисленным более тяжким преступлениям. Так, в 1736 г. был казнен иркутский вице-губернатор Алексей Жолобов за взятки, которые он ухитрялся брать со всех – дворян, посадских людей, казаков, ясачных иноверцев, китайских перебежчиков и даже тунгусских шаманов. Неудивительно, что ко всем прочим своеволиям этот вице-губернатор «имел с подозрительными и шельмованными людьми весьма фамильярные дружеские обхождения». Екатерина II не отказалась от назидательных мероприятий вынесения наиболее страшных наказаний на всенародный позор и включения в эти публичные действия тех или иных ритуальных элементов смертной казни, политической смерти, шельмования или церковного покаяния.

Таким образом, в России XVIII в. существовала не только натуральная смертная казнь, но и такие способы социального и личного уничтожения осужденного, как шельмование, клеймение словами «вор» или «убийца», «положение на плаху», политическая смерть, политическая казнь, преломление шпаги, лишение статуса, родовой фамилии и даже имени. Необъявленный двадцатилетний мораторий на высшую меру наказания, а также его негласное подтверждение после подавления бунта Пугачева в известной мере актуализировали формы наказания, которые не предполагали лишения преступника жизни. В период правления Елизаветы Петровны так называемая политическая смерть, или положение на плаху, оказалась под запретом, поскольку являлась

практической имитацией смертной казни, что, видимо, противоречило обету, данному императрицей. При Екатерине II уходят в прошлое и понятие, и практика шельмования, а термин «политическая смерть» постепенно заменяется понятием «гражданская казнь», применяющемся исключительно к представителям дворянского сословия.

Порка плетью – современный распространенный способ наказания в ОАЭ, Судане, Саудовской Аравии, Иране, Пакистане, Афганистане и Сингапуре. В ЮАР и на Ямайке телесные наказания были исключены из уголовного законодательства относительно недавно. На Тайване, наоборот, дискутировался вопрос о возможности их введения. Между тем в исламских государствах иностранцы, если они исповедуют другую религию, за большинство нарушений (кроме внебрачной связи) не могут быть наказаны плетью: это распространяется только на мусульман.

Учитывая подобный опыт, казаки Бурятии заявляли о том, что хотят вернуть прежние права, например задерживать злоумышленников и «вознаградить» их розгами. Так, одиннадцать ударов плетью по решению правления станичного казачьего общества публично получил 32-летний казак из станицы Успенской Белоглинского района Краснодарского края за хамское поведение по отношению к женщине.

Таким образом, в начале XIII в. жизнь монгольского общества регулировалась законом «Их Засаг». Этот закон являлся и главным рычагом, и опорой государственной политики единого монгольского государства, нуждавшегося в едином законе. Чингисхан, опираясь на богатый опыт, накопленный в деле управления государством, а также на традиции, нормы и обычаи, унаследованные от предыдущих поколений, принял единый закон. Закон «Их Засаг» затрагивал все стороны общественной жизни монголов и касался всех членов монгольского общества. В законе «Их засаг» Чингисхан не только определил роль Монгольского государства в жизни монгольского общества, нормы военного-гражданского, административного и уголовного права, но и устранил искажения и неправильные односторонние традиции, существовавшие в то время во многих монгольских племенах.

Исторический опыт демонстрирует, что во все времена уголовное наказание как в России, так и в зарубежных странах неразрывно было связано с вопросами чести и достоинства. Ответственность родственников преступника, тяжкие телесные наказания и их публичность, запрет на общение с осужденным по замыслу законодателей доставляли осужденным дополнительные моральные страдания, с которыми ему и его близким приходилось оставаться всю жизнь.

На сегодняшний день российское уголовное законодательство не предусматривает подобных «ментальных» рычагов воздействия на осужденных, что, по нашему мнению, формирует у них и значительной части общества безразличное отношение к статусу судимых лиц. Отсюда, возможно, берет свое начало и некая романтизация уголовного мира, чему можно было бы положить конец, если бы действующее законодательство учитывало накопленный исторический опыт и в качестве наказания использовало, например, телесные наказания или образцы шельмования. Это, безусловно, противодействовало бы формированию у подрастающего поколения стремления к криминальному укладу.

Библиографический список

1. Бытко Ю. И. Цели уголовного наказания // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 4(123). С. 108–124.
2. Гилинский Я. И. Исполнение наказания в системе социального контроля над преступностью // Закон. 2012. № 9. С. 117–129.

3. Скиба А. П. О некоторых направлениях развития уголовно-исполнительного права и криминологии [к юбилею кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)] // Союз криминалистов и криминологов. 2018. № 4. С. 39–46.

4. Дугарова С. Ж. Характеристика уголовно-правовых запретов Великой Ясы // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 2. С. 119–123.

5. Джувейни Ала-ад-Дин Ата-Мелик. Чиингисхан: история завоевателя Мира. М. : Магистр-Пресс, 2004. 688 с.

6. Курс уголовного права / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М. : Зерцало, 2002. Т. 2 : Общая часть. Учение о наказании.

7. Рязановский В. А. Обзор памятников монгольского права. Улан-Батор, 2000.